

Юсуф-Ходжа
и его братья:
О родстве Афанасия
Никитина*

Yusuf-Hajji
and His Brothers:
On the Kinship
of Afanasy Nikitin

Александр Львович Лифшиц

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Aleksandr L. Lifshits

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются те эпизоды из записок Афанасия Никитина, которые позволяют усомниться в его купеческом статусе. На основании анализа грамматики, лексики и прагматики сообщений Афанасия делаются выводы, что по Волге и далее он путешествовал как глава небольшого сообщества людей и что он отличался от своих спутников по рангу. Подтверждаются предположения А. Г. Боброва, что Афанасий исполнял некое поручение, данное ему на Руси. Высказывается гипотеза, что он мог быть боярином из известного тверского рода, называются его возможные родственники.

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Язык, литература и культура в историческом и социальном измерении», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

In the preparation of the publication the results of the project “Language, literature and culture in the historical and social dimension”, carried out within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics in 2024, were used.

Цитирование: Лифшиц А. Л. Юсуф-Ходжа и его братья: О родстве Афанасия Никитина // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 300–312.

Citation: Lifshits A. L. (2025) Yusuf-Hajji and His Brothers: On the Kinship of Afanasy Nikitin. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 300–312.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.10

Ключевые слова

Афанасий Никитин, генеалогия, анализ текста, тверское боярство

Abstract

The article considers those episodes from the notes of Afanasy Nikitin that allow us to doubt his merchant status. Based on the analysis of grammar, vocabulary and pragmatics of Afanasy's messages, it is concluded that he traveled along the Volga and further as the head of a small community of people and that he differed from his companions in rank. A. G. Bobrov's assumptions that Afanasy fulfilled some assignment given to him in Russia are confirmed. It is suggested that he could have been a boyar from a famous Tver family, and his possible relatives are named.

Keywords

Afanasy Nikitin, genealogy, text analysis, nobles of Tver

Текст «Хожения за три моря» загадочен. Будто наспех составленный из различных фрагментов, которые расположены порой в необъяснимой последовательности, он оставляет простор для толкования: для чего «Хожение...» было написано? Когда, в какой момент? Кто его автор, с легкостью переходящий от итинерария к пересказу местных басен и от этнографического очерка — к исповеди? Текст ни на один вопрос не дает прямого ответа, но, как кажется, содержит много скрытой информации об авторе, которую стоит пытаться обнаружить.

Разумеется, огромное количество наблюдений сделано моими предшественниками¹, однако не лишним, кажется, будет повторить кое-что из того, что мы знаем о авторе этих удивительных записок.

Считается, что Афанасий — уроженец Твери. «Тверитином» его называют «комментатор» XV в., вводя записки в состав летописи (Л., л. 441об.–442)², так его называет и создатель Сухановской редакции текста, который сообщает также, что за море Афанасий ходил «от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго и от владыкы Тверскаго Генадия» [Хожение 1986: 32]. Афанасий начинает рассказ о своем путешествии с отплытия из Твери, но важнее, что, пытаясь рассказать о

¹ Особенно хочется выделить воодушевляющую работу А. Г. Боброва [Бобров 2022], которая во многом послужила стимулом к написанию данной статьи.

² Здесь и далее даю ссылки непосредственно на листы Львовской летописи (Л.) или Троицкого списка (Тр.), что позволяет воспользоваться любым изданием этих текстов, например: [Львовская летопись; Хожение 1986], или иным изданием сочинения Афанасия Никитина, где есть обозначение листов источника. В тех случаях, когда разница между редакциями текста отсутствует, ссылаюсь только на текст летописи. Троицкий список представлен также на сайте: <https://kodeks.uni-bamberg.de/Russia/Texts/AfanasiyNikitin-TroickijSpisok1.htm>.

размерах языческого капища в Индии, он сравнивает его, как сообщает Троицкий список, с Тверью — очевидно, как с местом, которое он хорошо знает (*Тр.*, л. 377 об.).

Афанасий совершает долгий, более 850 км, переход по Верхней Волге, надеясь в Нижнем Новгороде присоединиться к послу великого князя Ивана III Василию Папину, который везет кречетов ширваншаху Фарруху-Ясару. По пути Афанасий упоминает остановки в Калязине, Угличе, Костроме и Плесе, не отмечая ни Ярославля, ни других городов.

Не застав в Нижнем Новгороде уплывшего двумя неделями ранее Василия Папина, Афанасий дожидается посла ширваншаха Хасан-бека и идет вниз по Волге с ним. Астраханские татары и кайтаки грабят судно, на котором плывет Афанасий, и другое, на котором находится его поклажа. Афанасий через Василия Папина и Хасан-бека обращается за помощью к ширваншаху, после чего идет в Дербент и Баку, откуда плывет в Персию, чтобы сойти на южном берегу Каспийского моря в неназваном месте.

В Персии Афанасий проводит больше года, поскольку празднует Пасху в некоем Чапакуре — т. е. больше года должно было пройти с момента отплытия из Твери, а следующую — в Ормузе³, откуда уже плывет в Индию. Где-то в Персии по пути он покупает жеребца, заплатив сто рублей, что в пересчете на вес серебра составляет 8 кг [Бобров 2022: 133].

В Индии Афанасий проводит время в основном на территории Бахманийского султаната, представляясь персом из Хорасана (*Тр.*, л. 377). Два месяца он живет в городе Джуннар, где местный правитель пытается склонить его к перемене веры и чуть не отбирает коня, грозя взять Афанасия в заложники и потребовать за него выкуп в тысячу золотых. После Афанасий путешествует по Индии, но главными местами его пребывания, насколько можно судить, оказываются две столицы султаната: новая, Бидар, и старая, Гулбарга. По прошествии нескольких лет Афанасий отправляется в долгий обратный путь, для которого у него есть средства. В Трапезунде он платит последним золотым за перевоз до Кафы и одалживает золотой на жизнь, намереваясь в Кафе вернуть долг.

Как сформулировал А. Г. Бобров, «в “Хожении” обращают на себя внимание несколько деталей, противоречащих традиционной точке зрения на Афанасия Никитина как на разорившегося небогатого торговца, идущего “куда глаза глядят”» [Бобров 2022: 133]. Далее исследователь подробно излагает, в чем он видит эти противоречия.

³ Пасха в 1467 г., когда началось путешествие Афанасия [Городилин 2022], праздновалась 29 марта, в 1468 — 17 апреля, в 1469 — 2 апреля.

Получив благословение тверского епископа Геннадия Кожина, Афанасий приходит в Троицкий Калязинский монастырь, где настоятелем был старший брат тверского владыки преподобный Макарий Калязинский. В Угличе же с 1466 г. игуменствовал племянник Макария и Геннадия преподобный Паисий Угличский. Это дает А. Г. Боброву основание полагать, что, отправляясь в путешествие, Афанасий заручился поддержкой влиятельных людей, к которым добавляется и тверской воевода Борис Захарьевич Бороздин.

В Дербенте Афанасий выступает ходатаем за соотечественников, пострадавших от астраханских татар и кайтаков⁴. В данном случае исследователь выбирает версию Троицкого списка, где сказано в единственном числе: «И биль есмь челом Василью Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмь с нимъ пришли» (*Тр.*, л. 370об.). Действительно, в летописной редакции фрагмент выглядит менее надежно: «А били есмь челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмь с ними пришли» (*Л.*, л. 443об.). Все же Афанасий со спутниками пришли с одним Хасан-беком, а не с Василием Папиным и Хасан-беком. И понятно, что пришедшие из Руси люди надеются на заступничество великокняжеского посла, прибывшему к правителю страны, а к Хасан-беку обращаются как к свидетелю их бедствия.

Сумма в сто рублей серебром, заплаченная за коня, — явно не то, что может оказаться в кармане у ограбленного купца, идущего за счастьем куда глаза глядят.

И, наконец, А. Г. Бобров весьма резонно замечает, что у Афанасия и в Индии должны были быть серьезные связи, если некий хорасанец заступает за него перед правителем Джуннара, в результате чего коня возвращают Афанасию, а вопрос о переходе в Ислам на время оказывается снят.

Соображения эти, с одной стороны, мне представляются заслуживающими внимания, а с другой — требующими развития и дополнений. Начну с последнего упомянутого А. Г. Бобровым эпизода.

Афанасий пишет, что история началась, когда Асад-хан «уведал, что яз не бесерменянин — русинъ» (*Л.*, л. 445). Сложно, однако, заподозрить, что правитель города Джуннар Асад-хан⁵, которого носят в паланкине и у которого много слонов и прекрасных коней (*Л.*, л. 444 об.), снизошел бы до разговора с каким-то чужеземным купцом и стал выяснять не

⁴ Противоположное мнение см.: [Кистрев 2003: 16].

⁵ Действительно ли Асад-хан был в Джуннаре правителем, доподлинно неизвестно. Персидский историк называет другое имя, когда пишет о назначениях, сделанных Махмудом Гаваном [Ferishta 1829: 502]. Высказывалось соображение, что Асад-хан был в Джуннаре «комендантом» [Минаев 1881: 57], но в данном случае это несущественно.

только, каково его вероисповедание, но и его этническую принадлежность. Что могло бы стать поводом для этого? Как мы знаем (правда, не знаем, с какого момента, но тут, кажется, можно предположить, что такая «легенда» была придумана во время длительного пребывания Афанасия в Персии), Афанасий называет себя «хозя Ифусь Хоросани»⁶ (*Тр.*, л. 377), и индуисты не догадываются о том, что он не мусульманин и не хорасанец, пока Афанасий не говорит им об этом. Как же должен был догадаться Асад-хан?

К тому же тысяча золотых — гигантская сумма выкупа — имеет смысл только если ты уверен, что есть кто-то, для кого заложник настолько ценен, или в виде шутки, про которую не вдруг поймешь, шутка ли это на самом деле. И в обоих случаях не очень похоже, что речь может идти о купце.

Правитель Джуннара Асад-хан был ставленником великого визира Махмуда Гавана (1411–1481) и человеком, настолько ему близким, что когда в 1481 г. Махмуд Гаван, носивший титул мелик-ат-туджар буквально потерял голову в результате политической интриги, то казнен был и Асад-хан [Ferishta 1829: 509; Хожение 1986: 148]. И если кто-то и мог повлиять на решение Асад-хана отнять у чужеземца коня, то только назначивший его на должность Махмуд Гаван, конечно, не обязательно сам. Хватило бы намека на то, что Махмуду Гавану может не понравиться самоуправство правителя Джуннара. Ходатаем выступил некий хорасанец Махмет, который действительно должен был, во-первых, иметь веские основания вступаться за Афанасия, а во-вторых, достаточно полномочий, чтобы «отпросить» (*Л.*, л. 445об.) русского путешественника.

И Махмуд Гаван, и Асад-хан были персами и носили прозвище Гиляни — они были уроженцами Гиляна, персидской провинции, расположенной на берегу Каспия западнее Мазендарана. У Афанасия до того, как он направился к Ормузскому проливу, несомненно, было время побывать и в Гиляне, ведь на севере Персии он провел никак не менее восьми месяцев: полгода в Чапакуре, который отождествляется с известными городами лишь предположительно [Kempgen 2010: 24], и по месяцу — в Сари и Амоле. Данное Афанасием описание климата Гиляна свидетельствует, пожалуй, о личных впечатлениях писавшего: «В Гиляни душно велми да парище лихо» (*Л.*, л. 453об.).

Во всяком случае, Афанасий, переплыв второе море, не останавливается, например, в Гуджарате и из значительного количества существовавших на тот момент индийских государств выбирает расположенный

⁶ Публикаторы предлагают в этом имени видеть искаженное Юсуф [Хожение 1986: 48, 157], но, возможно, фонетическая последовательность со вторым звуком [ф], как в имени Афанасий, важна.

на Деканском плоскогорье в центре полуострова Индостан Бахманийский султанат. Оказавшись же на территории султаната, Афанасий сразу с берега направляется в Джуннар, которым управляет (или распоряжается там войском) гиянец Асад-хан. Естественно объяснять это заранее продуманным планом и наличием контактов, которые обусловили приход путешественника именно в этот город.

Вероятно, к Джуннару относится раздраженный пассаж Афанасия, разочарованного отсутствием нужного товара, который ему, очевидно, обещали (Л., л. 445об.)⁷.

Похоже при этом, что в Индию Афанасий прибыл не один. Описывая начало индийского этапа своих странствий, Афанасий использует множественное число: «...а от Чювиля есмя пришли въ 7-ю неделю по Велице дни, а шли в таве есмя...» (Л., л. 444); «а ис Чювиля сухом пошли есмя...», «а зимовали есмя в Чюнере, жили есмя два месяца...» (Л., л. 444об.); «а ис Чюнеря есмя вышли...» (Л., л. 446). Очевидно, у Афанасия после Джуннара не должно было быть причин дальше передвигаться по Индии, подчиняясь движению каравана, с которым он шел от Чаула. То есть когда Афанасий пишет «есмя пришли», «есмя жили» и проч., он имеет в виду не случайно объединившихся людей, а сложившуюся группу с общими интересами, действующую заедино. А учитывая разительные отличия в описании празднования Христова Воскресения в Чакапуре и в Ормузе с описаниями празднования Пасхи в следующие годы, я предположил бы, что первые две Пасхи, о которых Афанасий упоминает, как о чем-то не выходящем за рамки обычного, скорее всего, проходили среди его соотечественников или хотя бы единомышленников⁸. Во всяком случае, Афанасий, кажется, не был в одиночестве ни на пути к Ормузу, ни в Джуннаре. В этом случае отсутствие эксплицитного упоминания в записках Афанасия спутников может говорить о принципиальной разнице в статусе путешественника и сопровождавших его лиц.

Только из святилища Шивы Афанасий возвращается сам по себе: «От Первати же приехал есми в Бедерь...» (Л., л. 449), хотя едва ли можно сомневаться, что он не был одиноким пешеходом на этом пути. В какой-то момент Афанасий, похоже, действительно остался в одиночестве. Трудно сказать, как это случилось, но нет, однако, сомнений, что Индия предоставляла для этого множество возможностей.

⁷ В задачи этой статьи не входит рассмотрение, как кажется, весьма правдоподобной гипотезы А. Г. Боброва о том, что в связи с установлением автокефалии на Руси целью путешествия Афанасия был поиск прямых поставок пряностей для мирования [Бобров 2017; Бобров 2022].

⁸ Я не исключил бы и того, что там был священник, без которого праздник не мог бы осуществиться во всей полноте. Замечу также, что отпраздновать Пасху в Чакапуре и Ормузе Афанасию не помешало отсутствие украденных на Каспии книг.

Следует обратить внимание на один из «флэшбеков» в повествовании Афанасия, представляющийся весьма важным. Это следующая за сообщением о возвращении из Парвата lamentация Афанасия об утраченных книгах. Афанасий пишет: «...а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини и ихъ взяли» (Л., л. 449об.). Иными словами, если слова про зиму в Джуннаре еще можно с натяжкой интерпретировать как относящиеся, например, к произвольному сообществу купцов, то книги из Руси везли остающиеся нам неизвестными «мы» — Афанасий со спутниками. При этом Афанасий ставит себя в центр этой группы. То есть речь, несомненно, не идет о случайных попутчиках.

Получается, что и обращение Афанасия к Василию Папину за помощью для его спутников в Дербенте мотивировано тем, что это *его* спутники, и, таким образом, нет необходимости считать, что какие-то купцы признают Афанасия «старшим» [Водовозов 1955: 10; Семенов 1980: 54].

Двигаясь вдоль пути Афанасия в обратном направлении, отметим еще несколько событий.

Афанасий сообщает, что на разграбленном меньшем судне, кроме его имущества, находились коровы и корм (Л., л. 443). Поскольку коров, очевидно, везли как источник пищи, то лексема «корм», похоже, употреблена здесь не в узком значении 'провиант', а в значении 'назначенное содержание', 'довольствие' [Срезневский, 1: 1408–1409; СРЯ XI–XVII, 7: 316; СДРЯ XI–XIV, 4: 371], что может обозначать и съестные припасы, но предполагает, что есть кто-то, кто снабдил ими Афанасия и его спутников, для достижения какой-то цели.

Еще чуть ранее, почувствовав угрозу, Афанасий под Астраханью переходит со *своего* судна на судно Хасан-бека: «И яз свое судно покинул да полез есми на судно на послово и с товарищи своими» (Л., л. 442об.—443)⁹. Судя по тому, что на судне у посла ширваншаха оказалось «десять русаков» (Л., л. 443), они-то и были *товарищами* Афанасия — «участниками», как объясняет это слово И. И. Срезневский, приводя именно этот пример из «Хожения» [Срезневский, 3: 969]. Если считать, что Афанасий — купец, то благоволение Хасан-бека к нему и его товарищам поистине удивительно.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, как Афанасий описывает свое пребывание в Нижнем Новгороде: «А Василей Папин проехал мимо город две недели, и яз ждал в Новегороде в Нижнем две недели посла татарскаго ширваншина Асанбега, а ехал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто» (Л., л. 442об.).

⁹ Ср.: «Примечательно, что Никитин ни до Нижнего Новгорода, ни после описывая свои приключения, ни разу не упоминает тех, кто, казалось бы, должен был неотступно следовать за ним по всем дорогам, то есть слуг, приказчиков...» [Кистерев 2003: 14].

Упоминание посольства Василия Папина¹⁰ может быть оправдано как ретроспективно — Афанасий бьет ему челом в Дербенте, — так и значительностью миссии. Очевидно, 90 кречетов требовали немалого числа сопровождающих груз сокольников, а присоединение к большому посольству обеспечивало бы путешественникам и большую безопасность. При этом следующая часть сообщения — об ожидании Хасан-бека — заставляет полагать, что Афанасий изначально планировал присоединиться к его посольству, если этого не получится с посольством Василия Папина. Тогда чуть менее странно выглядит переход Афанасия со спутниками на корабль ширванского посла.

Понятно, что и Василий Папин, и Хасан-бек шли из Москвы по Москве-реке и Оке, дождавшись, когда пройдет лед¹¹, который на Верхней Волге должен был держаться непредсказуемо дольше. Заранее рассчитать свое прибытие в Нижний Новгород, Афанасий не мог, тем более что путь из Твери был длиннее, а по дороге ему нужно было пересекать границы уделов и областей, и, судя по его сообщениям в записках, Афанасий мог опасаться, что его не везде будут пропускать «добровольно» (Л., л. 442об.)¹².

Но едва ли Афанасий должен был знать о предполагаемой миссии Василия Папина или о возвращении в Шемаху посольства Хасан-бека, если бы не был тесно связан с Москвой. Этим, как кажется, подкрепляется предположение А. Г. Боброва [Бобров 2022: 130], поддержанное, в частности, А. М. Введенским [Введенский 2023: 80], о том, что Афанасий сначала из Москвы отправляется в Тверь и 29 марта 1467 г.¹³ встречает Пасху в Клину.

В любом случае Афанасий отправляется из Твери с началом судоходства по Волге, и, вероятно, можно предположить хронологию его начального пути. Так, Афанасий сообщает: «...приидох в монастырь Козлязин ко святей Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису

¹⁰ Имя великокняжеского посла и известно лишь по упоминанию в записках Афанасия и в сверхкратком предисловии книжника XV в. к ним в Львовской летописи (Л., л. 442). При этом Папин, очевидно, — патроним от имени Папа, которое нередко встречается в русских месяцесловах под 16 марта, когда на Руси праздновалась память св. Папы Ларандского [Лосева 2001: 292]. Фамильное прозвище посла остается неизвестным.

¹¹ Кажется, с тем, что Афанасий отправляется в путь весной, никто не спорит, а, напротив, все пишут об этом, как об очевидном факте; см., например: [Городилин 2022: 169].

¹² Так, Углич был в то время столицей удельного князя Андрея Васильевича Большого, а Плес сохранял еще функции пограничного с Нижегородским княжеством укрепления.

¹³ С. В. Городилин весьма убедительно доказывает, что начало путешествия Афанасия следует датировать именно этим годом [Городилин 2022].

и Глебу и у игумена ся благословив у Макария и у святыа братии» (Л., л. 442–442об.). Действительно во множестве документов обитель называется «дом Живоначальные Троицы и святых страстотерпцев Бориса и Глеба» [Кистерев, Тимошина 2007: 30–36, 38, 44, 47, 49–50, 51], поскольку Троицкая церковь, построенная в монастыре святым Макарием, имела придел во имя святых Бориса и Глеба. Выбор такого посвящения произошел, вероятно, не без участия — прямого или косвенного — тверского великого князя Бориса Александровича, бывшего одним из первых ктиторов обители¹⁴.

Пустившись в путь после того, как Волга очистилась ото льда¹⁵, Афанасий, пройдя по воде чуть более 200 км, вполне мог оказаться в Калязинском Троицком монастыре на престольный праздник: память Перенесения мощей Бориса и Глеба отмечается 2 мая. Примечательно, что в этот же день Церковь празднует память святого Афанасия Александрийского [Лосева 2001: 329–330] — небесного покровителя Афанасия Никитина. Для благочестивого христианина это сугубый повод получить благословение.

Однако, как заметил А. Г. Бобров, Троицкий монастырь в Калязине особо отмечается в записках Афанасия еще и потому, что настоятель монастыря, преподобный Макарий Калязинский, — старший брат тверского епископа Геннадия, провожавшего Афанасия из Твери. Оба происходят из кашинских бояр Кожиных, как и их племянник св. Паисий Угличский, чья мать приходилась им родной сестрой, который за год до начала странствий Афанасия основал в Угличе свой монастырь [Бобров 2022: 131–132]. Замечу только, что акцент, сделанный Афанасием на остановке в Калязине, предполагает, кажется, что адресату записок должен был быть понятен имплицитный смысл этого сообщения.

Из Твери Афанасий уходит не только «от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго и от владыкы Генадия Тверскаго», но и от Бориса Захарьича (Л., л. 442), в котором без сомнения опознается воевода Борис Захарьевич Бороздин — представитель еще одного кашинского боярского рода, игравшего заметную роль в Тверском, а потом и Московском великом княжестве. Упоминание же Афанасием Бориса Захарьевича Бороздина без родового имени или иных пояснений означает, что эта фигура, с точки зрения автора записок, в пояснениях не нуждается.

¹⁴ Копия вкладной грамоты великого князя Бориса Александровича Троицкому Калязину монастырю на монастырь Николы-на-Жабне: РГАДА. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 7.

¹⁵ По данным наблюдений XX в., Волга очищалась от льда не ранее 1 и не позднее 30 апреля [Цыганов 2018: 52], что для XV столетия соответствовало бы периоду с 23 марта по 19 апреля по Юлианскому календарю.

Бояре Бороздины, несомненно, были весьма влиятельным семейством в Тверском княжестве и не потерялись затем в Москве [Зимин 1988: 261–264]. Отец Бориса Бороздина Захария Иванович известен как персонаж Чуда преподобного Сергия Радонежского «О некоем вельможе тверском, о Захарии», отраженном в Житии и иконографии святого [Кочетков 1981]¹⁶. О том, как Захария Иванович уговаривал Макария Калязинского принять священство, рассказывает Волоколамский патерик, записанный Досифеем Топорковым со слов Иосифа Волоцкого: «Такоже и сродници его, — Захариа, Бороздинъ прозваниемъ, и инии вси его сродници, — едва увѣщаша его прияти священъство, яко достойна суща» [Волоколамский патерик: 93]. Впрочем, в каком именно родстве состояли бояре Кожины с боярами Бороздинами, кажется, неизвестно.

Традиционно считается, что Братом Захарии Бороздина был преподобный Савва Вишерский, канонизированный в 1549 г. [Голубинский 1903: 96]¹⁷. Родной брат Бориса Захарьевича Семен в 1461 г. сопровождает в Москву на епископскую хиротонию Геннадия Кожина [Тверская летопись: 496].

Сам Борис Захарьевич, начав свою деятельность при великом князе Тверском Борисе Александровиче, отметился во время «московской замятни», приведя тверское войско на помощь Василию Темному. Впоследствии Борис Захарьевич и вовсе переходит к Ивану III на службу. Его дети Иван, Василий и Петр и другие Бороздины также переходят на службу в Москву, что хорошо отражено в источниках [Разрядная книга: 21 passium]. При этом и через поколение один из Бороздиных — Петр Иванович Житов-Бороздин — все еще пишется тверским боярином [Разрядная книга: 112].

Итак, весной 1467 г. воевода тверского князя Борис Захарьевич со своим сродником епископом Геннадием Тверским провожали Афанасия Никитина, отправлявшегося вниз по Волге в сторону обители их брата и сродника преподобного Макария Калязинского, а затем — их сродника и племянника преподобного Паисия Угличского.

Я бы сказал, что в целом это больше похоже на расставание с родственником, отправляющимся в рискованное путешествие, чем на прощание купца, какая бы миссия ни была ему поручена.

Если же допустить, что Афанасий Никитин происходит из близкого к Бороздинам или Кожинам боярского рода, то многие перечисленные выше странности повествования получают объяснение. Оправданным оказывается его знание о посольстве Василия Папина и о возвращении

¹⁶ Считается, что заказчиком образа мог выступать дмитровский князь Юрий Иванович, сын Ивана III, и отбор сюжетов для житийных клейм косвенно свидетельствует об устойчивой позиции Бороздиных и при московском дворе.

¹⁷ См, впрочем: [Казаков 2022].

посольства Хасан-бека в Ширван, его пребывание на судне посла и ходатайство за ограбленных на море путешественников, несомненное наличие спутников, сопровождавших Афанасия, баснословный выкуп, который готов назначить за его голову Асад-хан в Джуннаре, и заступничество хорасанца Махмета.

Для купца — не для боярина — удивительно отсутствие упоминаний о ценах на индийские товары (если не считать драгоценные камни и блудниц) и о торговых операциях вообще. Удивительно, если не предполагать, что Афанасий был связан с Москвой, почему купцы и решают привезти записки дьяку Василию Мамыреву. Наконец, вдвойне удивительны для купца развитая саморефлексия и прекрасное владение церковнославянским языком, позволяющие создать абсолютно свободный, разнообразный и лишенный какого бы то ни было косноязычия нарратив.

Если Афанасий — купец, то не имевший себе подобных.

Но, возможно, составитель «Сухановского» извода записок не ошибался, написав, что «некто именем Афонасей Никитин сынъ тверитинъ ходил с послы [выделено мной. — А. Л.] от великаго князя Московскаго Ивана, и от великаго князя Михайла Борисовича Тверскаго, и от владыкы Тверскаго Генадия за море» [Хождение 1986: 32]. Роль посла вполне подходит тверскому боярину на московской службе.

В 1476 г. из Твери на московскую службу переходят два брата Иван Жито и Григорий Бороздины [Симеоновская летопись: 252] — двоюродные братья Бориса Захарьевича, сыновья его дяди Никиты Ивановича Бороздина.

Возможно, родные братья Афанасия Никитина.

Сокращенные названия древлехранилищ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия)

Библиография

Источники

Волоколамский патерик

Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик, Волоколамский патерик, Москва, 1999.

Голубинский 1903

Голубинский Е. Е., *История канонизации святых в Русской Церкви*, Москва, 1903.

Кистерев, Тимошина, 2007

Кистерев С. Н., Тимошина Л. А., сост., *Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в.*, Москва, С.-Петербург, 2007.

Львовская летопись

Полное собрание русских летописей, 20, половина 1: Львовская летопись, С.-Петербург, 1910.

Минаев 1881

Минаев И. П., *Старая Индия: Заметки на Хождение за три моря Афанасия Никитина*, С.-Петербург, 1881.

Разрядная книга

Разрядная книга 1475–1605 гг., 1, 1, Савич Н. Г., сост., Москва, 1977.

Симеоновская летопись

Полное собрание русских летописей, 18: Симеоновская летопись, С.-Петербург, 1913.

Тверская летопись

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией, 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью, С.-Петербург, 1863.

Хождение 1986

Хождение за три моря Афанасия Никитина, Лурье Я. С., Семенов Л. С., подг., Ленинград, 1986.

Ferishta 1829

Ferishta M. K., *History of the rise of the Mahomedan power in India, till the year A.D. 1612*, Briggs J., transl., 2, London, 1829.

Словари

СДРЯ XI–XIV, 1–...

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–..., Москва, 1991–...

Срезневский, 1–3

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

СРЯ XI–XVII, 1–...

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–..., Москва, 1975–...

Литература

Бобров 2017

Бобров А. Г., Что искал в Индии Афанасий Никитин, *Rossica Antiqua*, 2, 2017, 124–143.

Бобров 2022

Бобров А. Г., Спорные вопросы изучения «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, *Летняя школа по русской литературе*, 18/2, 2022, 127–156.

Введенский 2023

Введенский А. М., Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд, *Slov ne*, 12/2, 2023, 72–82.

Водовозов 1955

Водовозов Н. В., *Записки Афанасия Никитина об Индии XV века*, Москва, 1955.

Городилин 2022

Городилин С. В., Царевич Касым, князь Александр Федорович и Афанасий Никитин, *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*, 14, Тверь, 2022, 155–174.

Зимин 1988

Зимин А. А., *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.*, Москва, 1988.

Казаков 2022

Казаков А. А., Савва Вишерский или Савва Бороздин? (О казусах средневековых биографий), *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей*, Москва, 2022, 10–17.

Кистерев 2003

Кистерев С. Н., Афанасий Никитин и его «Хождение» на Руси, *Хождение за три моря Афанасия Никитина*, Тверь, 2003, 9–40.

Кочетков 1981

Кочетков И. А., Житийная икона Сергия Радонежского из собрания Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, *Древнерусское искусство XV–XVII веков. Сборник статей*, Москва, 1981, 97–107.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Семенов 1980

Семенов Л. С., *Путешествие Афанасия Никитина*, Москва, 1980.

Цыганов 2018

Цыганов А. А., *Очерки по физической географии Твери: Монография*, Тверь, 2018.

Kempgen 2010

Kempgen S., 'Čebokar' und die persische Reiseroute Afanasij Nikitins, *Wiener Slawistischer Almanach*, 65, 2010, 23–51.

References

Bobrov A. G., What was Afanasy Nikitin looking for in India?, *Rossica Antiqua*, 2, 2017, 124–143.

Bobrov A. G., Debatable Issues of Study “The Voyage Beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin, *Letniiaia shkola po russkoi literature*, 18/2, 2022, 127–156.

Gorodilin S. V., Tsarevich Kasym, kniaz' Aleksandr Fedorovich i Afanasii Nikitin, *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia*, 14, Tver, 2022, 155–174.

Kazakov A. A., Savva Visherskii ili Savva Borozdin? (O kazusakh srednevekovykh biografii), *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do 21 veka: problemy, diskussii, novye vzgliady. Sbornik statei*, Moscow, 2022, 10–17.

Kempgen S., 'Čebokar' und die persische Reiseroute Afanasij Nikitins, *Wiener Slawistischer Almanach*, 65, 2010, 23–51.

Kisterev S. N., Afanasii Nikitin i ego “Khozhenie” na Rusi, *Khozhenie za tri moria Afanasii Nikitina*, Tver, 2003, 9–40.

Kochetkov I. A., Zhitiinaia ikona Sergiia Radonezhskogo iz sobraniia Muzeia drevnerusskogo iskusstva imeni Andreia Rubleva, *Drevnerusskoe iskusstvo 15–17 vekov*, Moscow, 1981, 97–107.

Loseva O. V., *Russkie mesiatseislovy 11–14 vekov*, Moscow, 2001.

Semenov L. S., *Puteshestvie Afanasii Nikitina*, Moscow, 1980.

Tsyganov A. A. *Ocherki po fizicheskoi geografii Tveri: Monografiia*, Tver, 2018.

Vodovozov N. V., *Zapiski Afanasii Nikitina ob Indii 15 veka*, Moscow, 1955.

Vvedenskiy A. M., Dating of Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas: A Fresh Approach, *Slověne*, 12/2, 2023, 72–82.

Zimin A. A., *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine 15 – pervoi treti 16 v.*, Moscow, 1988.

Александр Львович Лифшиц, кандидат филологических наук,
доцент Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории лингвосемиотических исследований
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
allifshits@gmail.com

Received March 11, 2024